Трактир и не думал засыпать, раздухарившись еще больше. Его обитатели, среди коих виднелись и вовсе отщепенцы в грязном рубище с рожами, на которых клейма негде было ставить, при появлении внизу титулярного советника и орчука затихли. Но лишь на секунду, пока не поняли, что до них странной парочке дела нет. Потому не успели случайные черномундирники (а подобных визитеров тут редко видели) покинуть трактир, как разгул продолжился с прежней, а может даже с большей силой.

Но обитатели дрянной дыры распрощаться с полицейскими чинами явно поспешили. Человек, из благородных, выскользнул наружу, точно прижавший уши кот, охотящийся за воробьем. А вот орчук лишь взялся за ручку, постоял, от нетерпения шаркая сапогами, и едва заметно шевеля губами, будто считал. И выждав определенное время, выбрался следом.

Передвигался Мих мелкими шагами, но почти бесшумно. Все смеются люди над орками, над их кажущейся неуклюжестью. А так подумать – сколько раз разведчики кочевничьи, по двое-трое передвигаясь, разъезды конные, что на ночь лагерь разбивали, полностью вырезали? Или взять любого «икекула» – на славийском выйдет диковинно и длинно, «воин с оружием в каждой руке» – так вовсе без щитов и тяжелых доспехов сражаются, надеются на ловкость и удаль свою. И надобно сказать, не зря. Вот и с Михом так.

Эх, разносил бы сапоги как следует, так и вовсе татем ночным крался по спящей темной улице. Впрочем, его и так какой-нибудь прохожий с трудом услышал бы. Однако Витольд Львович, в делах слежки хоть человек новый, но все же голову на плечах имеющий, рассудил здраво. Он пойдет за Черным, в случае чего, свяжет его боем да крикнет Миху, а тот уж, если придется туго, на выручку явится.

Орчуку, понятно, подобное не понравилось. Не дай Бог опять что не так пойдет, а теперь Миха рядом не будет. Кто хозяину поможет? То-то же. Не успеет даже рта открыть, как скрутит его незнакомец в гоблинарском плаще. Шпион тот, а может и убийца наемный – для полукровки было не важно. Знал он другое ¬– Черный сретник опасный. О том уже несколько прочих узнали: Логофет да Элариэль. Не дай Господь, защити Матерь-заступница, и до человека дело дойдет.

Предложил Мих голубчика сразу взять, тепленького. Так Витольд Львович заупрямился, сказал, мол, надо его до жилья сопроводить, вдруг что не так пойдет. А что не так может пойти? Орчуку лишь один раз бы попасть по Черному, вдарить, чтобы забыл, как солнышко яркое светит, так и не надо тому боле ничего будет. Но разве Меркулова переспоришь? С одной стороны поглядишь, невероятной мягкости и покладистости человек, к еде и постели неприхотливый, единственный недостаток – уж слишком увлеченный. Коли втемяшит что себе в голову, пиши пропало. Костьми ляжет, а своего добьется.

Краснокаменка хоть считалась улицей длинной, прямой была ровно настолько, насколько может быть копченая колбаса, с одной стороны удерживаемая сердитым мясником, а с другой разрываемая на части сворой собак. То и дело впереди значительно выступал вперед дом или мостовая вдруг уходила направо (но потом, опомнившись, возвращалась обратно). Поэтому разоблачения своего Мих не боялся. Единственной его целью было не потерять господина совсем из виду – потому что Витольд Львович двигался вперед на значительном расстоянии и то и дело скрывался от взора.

Потому шум, который невозможно было спутать с выливанием помоев или падением зазевавшейся кошки в водосточную трубу, заставил орчука вздрогнуть. Весенним ледоходом пошла кровь по венам, будоража в голове самые страшные картины, а когда бухнуло совсем рядом, заставив проснуться местных, внутри все оборвалось. Говорил револьвер Витольда

Львовича, маленький, убойный, рассчитанный на пять выстрелов. Несмотря на полнейшее душевное расстройство вспомнил орчук, что давеча Меркулов пользовался уже пистолетом, всадив в аховмедца три пули. Итого, остался всего один выстрел.

Будто подтверждая думы Миха, впереди еще раз оглушительно ухнуло. Как гроза грохочет посреди ясного неба, предвещая гнев Господень. А следом стук каблуков по мостовой, который в ночной тиши звучал чересчур зловеще. Орчук еще до того, как увидел мчавшегося к нему, все понял – он, может, существо недалекое, не все разумеет да подмечает, как господин, но все же навыки кое-какие имел.

У Меркулова каблуки звонче, будто пустые. У этого напротив, глухо отдаются – ток-ток-ток-ток. С прошлого раза не запомнил Мих, зато теперь в голове этот звук, точно конский топот, звучал. Вынырнул из темноты Черный, хотел бы сказать орчук, что глазами блеснул – так нет, будто истукан каменный, что вдруг ожил и двигался.

Понял Мих, не избежать им встречи. Встал аккурат посреди улицы, ноги широко расставил, чуть присел, рукам волю дать приготовился. Видел он раз в цирке, куда папенька покойный его водил, как борцы разные – и славийские, и дрежинские, и генерийские – сходятся. Мнут друг друга и бросают. С той поры много лет утекло, да нечасто приходилось орчуку волю рукам давать, но для себя одно он запомнил. Силы в нем не в пример больше, чем в обычных людях, и ею надо пользоваться. Поэтому ежели попадался супротивник в его лапищи, то ничем для него хорошим это не заканчивалось. И знал Мих – самое главное, первый хват сделать, чтобы подтянуть негодника к себе, а потом уже в бараний рог его скручивать.

Уже придумал, как в Черного вцепится. Следил за каждым движением неприятеля, тот скакал подобно кузнечику: пружинисто, размашисто. Но в самый последний момент, когда Мих уже вперед бросился, соединил ноги злыдень, оттолкнулся что было силы и прямо через орчука перелетел, в воздухе переворотившись. Такого Мих даже в цирках не видел. Пока сообразил, пока развернулся, Черный уже дальше скакать продолжил. Причем с такой скоростью, с какой и орчук не сладит.

Стоял Мих, пустоту обнимая пальцами растопыренными, внимал коварной ночи и не понимал до конца, что сейчас произошло. Пробудил его от сна наяву знакомый стук каблуков. Витольд Львович, увидев растерявшегося орчука, выругался, не грязно, но все же.

– Господин, ничего поделать не смог, – развел руками Мих, – кабы в честном поединке, так нет. Перепорхнул через меня, будто бабочка.

– Повезло, что убить ни тебя, ни меня не хотел, – смотря еще в ту сторону, где скрылся Черный, отвечал Меркулов.

– Уходить бы надо, – заметил Мих, глядя, как раскрываются одни за другими ставни. Где-то совсем далеко надрывался свисток.

– Да смысла нет, все равно теперь докладываться. Да и пожалеть городовых надо, а то всю ночь лиходеев, стрельбу устроивших, искать будут.

Недалеко от них выросла тень человека. Судя по неуверенным движениям решительно пьяного, оттого, наверное, и не побоявшегося возможных злодеев. Как известно, алкогольный дурман отодвигает мысли о собственной сохранности на второй план. Впрочем, что еще интереснее, чаще во хмелю люди из таких неприятностей выпутываются, откуда у трезвого только один путь – в мертвецкую. Так или иначе, но к первой тени в скорости присоединилась другая, теперь «товарищи» стояли поодаль, негромко переговариваясь и показывая пальцами в

сторону орчука и Витольда Львовича.

– Так что случилось, господин?

– Я не понимаю, – голос Меркулова звучал здесь, но создавалось впечатление, будто сам он далеко, – он заметил меня. Не знаю, может, почувствовал на себе взгляд или попросту решил резко обернуться. Пытался сначала уйти от драки, но я же быстрее…

– Ну вот и я думал, что вы быстрее.

– Только дар дворянский он такой, с особенностями. Нельзя шпагой, к примеру, десять минут молнией среди врагов мелькать. Времени отводится гораздо меньше. И чем дольше даром пользуешься, тем ниже скорость, пока как обычный человек двигаться не начнешь. Так вот, Черный… Он не точно не человек, что обычной магией пользуется.

– Мудрено говорите, господин.

– Он с самого начала мне в скорости не уступал. Вернее, если только чуть-чуть. Я его тростью подранил в бок немного, но потом… Стал уклоняться все проворнее и проворнее. Пришлось пистолет доставать. Он ближе к верхней части улицы стоял, потому пока я револьвер вытаскивал, рванул прочь, к тебе.

– Эх, жаль вы по этому злыдню не попали.

– Так в том и дело Мих. Могу поклясться, что попал, в спину. Оба раза.

Открыл было рот орчук, чтобы возразить, да не нашелся что сказать. Виданное ли дело, чтобы человек, две пули собой поймавший, невредим остался. Мало того, с такой прытью, на какую не каждый гимнаст способен, двигался. Другой бы усомнился в меткости Витольда Львовича, но Мих знал – хозяин ради красного словца такого не скажет. Если показалось ему, что попал, значит, так оно и было. Только как же это?

Путались мысли орчука внутри головы, тесно им было. Ладно бы если еще тихо вокруг было. Так нет, все громче и громче становилось на Краснокаменке. К двоим подвыпившим теням присоединились еще с пяток. С другой стороны тоже поглядывали любопытные. А полицейские свистки звучали теперь совсем рядом.

– Ладно, разберемся, – сказал Меркулов, убирая револьвер и вновь становясь прежним. Его лицо теперь будто говорило, что все произошедшее не более чем забавная передряга, ничего по сути серьезного.

И Мих даже на мгновение успокоился. Раз сказал господин, что разберется, так тому и быть. Уж Витольд Львович человек слова. Хотя сейчас орчук все бы отдал, чтобы Его превосходительство рассердился, отстранил пристава, с легкостью приобретающего все новые и новые неприятности, от расследования да наказал из дому носа не показывать. И вместе с тем понимал Мих, что не будет так. Единственная светлая голова – Витольд Львович, на Черного вышел да все вместе связал. А что то значит? Не раз еще им придется по ночам в прескверных районах рыскать с полупустым брюхом да не выспавшимся. Не будет гневаться на Меркулова Его превосходительство, точно не будет.

И был бы рад ошибиться орчук, да вот как в воду глядел. Второй час у обер-полицмейстера сидели. Точнее он, Мих, в кресле полудремал, пытаясь бороться со сном, а Витольд Львович вместе с Александром Александровичем над картой корпели, да переговаривались.

– Вот здесь, значит, Нижесовская, ее можно упустить. И эти два квартала тоже, – говорил Меркулов.

– Уже что-то, – отвечал Его превосходительство, следя за пальцем Витольда Львовича.

Александр Александрович был бледен лицом – то ли от постоянного бодрствования, то ли от всех злоключений, которые постоянно случались с его несчастным ведомством. Да и не нельзя из внимания упускать, что давно он уже не мальчик, не юный корнет с пышущим здоровьем. Из тех, что всю ночь напропалую пьют вино или даже водку, а утром хмурые и злые, но все же сидят в седле.

Только сейчас заметил Мих, как стар обер-полицмейстер. Нет, как у любого славийского мужика сила в нем еще была и голос громовой никуда не делся, но по бесцветным, точно выцветшим от постоянной сутолоки глазам, становилось ясно, единственное чего хочет Александр Александрович – покоя.

– Но место довольно обширное. Все-таки Краснокаменка. Пусть, извини за нечаянный каламбур, ниже Нижесовской.

– Только на первый взгляд, – поднял трость вверх Меркулов. – Домов, где остановиться можно, там всего ничего. Не будет же он вместе с рабочим людом селиться, те обособленностью не отличаются. У них к соседям ход простой, даже стучаться не будут.

– А пожалуй, ты прав, Витольд Львович. Действительно, если подумать хорошенько, то подходящих мест не так много. Всех, кто на улице, подниму, вплоть до околоточных. Пусть хлеб свой отрабатывают. А прямо сейчас полицмейстером соберу. Расскажу все подробно.

– Только, Ваше превосходительство, что делать с Черным будут, когда найдут?

– Чай пить с ватрушками сядем, – скривился Александр Александрович, – известно что. У меня этот голубчик за все свои злодеяния ответит.

– Шустр он шибко.

– Не шустрее пули. Когда обнаружат его, окружат плотным кольцом. Всем револьверы и винтовки выдам.

– Я вот в него два раза выстрелил… и ничего.

– Ох, Витольд Львович, – устало усмехнулся Его превосходительство, махнул рукой и поднялся, – вроде неглупый человек, а таких прописных вещей не знаешь.

Он подошел к дальнему пыльному углу, открыл высокий шкаф, наклонился и, кряхтя, достал нечто похожее на жилет.

– Ну поди сюда, Витольд Львович.

Он стал облачать Меркулова в странную одежду, причем по лицу титулярного советника было ясно, что это является для него определенным испытанием. Справившись со всеми ремнями и застежками, Александр Александрович отошел в сторону и хохотнул. Витольд Львович и вправду выглядел теперь презабавно – жилет оказался явно не по размеру, вздувшийся, со странными карманами на груди и спине. Титулярный советник неуклюже крутился и осматривал себя.

– Позволите? – Почти взмолился он. Александр Александрович спохватился и стал торопливо освобождать Меркулова от объятий ремней, пока тяжеленная одежда не рухнула на пол. От этого звука Мих проснулся окончательно. – Нет, про бронежилет я, конечно, думал. Но только вот какой вопрос. Сколько, Ваше превосходительство, вот этот весит?

– Больше пуда точно, – оценивающе поглядел обер-полицмейстер на диковинное одеяние.

– Вот и подумайте, как быстро сможет бежать некто облаченный в бронежилет. Тем более крутить сальто.

– С одной стороны, да, – согласился Александр Александрович. – С другой же, это мне когда выдали, лет десять прошло. Тут и пластины стальные толстые, да и ныне конструкций столько всяких появилось. Кто его знает. Но это ты хорошо заметил. Скажу, чтобы если стреляли, то по ногам и рукам.

Его превосходительство хотел было что-то записать, но дверь распахнулась, и на пороге появился первый полицмейстер, высоченный Константин Никифорович. Судя по лицу Его высокородия, завсегда спокойного, будто из куска мрамора высеченного, понял Мих, случилось происшествие чрезвычайной важности. Если честно, то с седмицу назад орчук бы весь замер, дышать перестал, и в слух весь обратился. Только много воды с той поры утекло. Попривык Мих к чрезвычайным происшествиям, справедливости ради, теперь каждый день исключительно из них и состоял.

Сел только более подобающе. Подниматься не стал: с одной стороны, на заднице при Его высокородии находиться несподручно, с другой, ему сам Александр Александрович разрешил. Да и мельтешить сейчас, лишь внимание к себе привлекать, что персоне его чина и положения несподручно.

– Ваше превосходительство, там… – Константин Никифорович блеснул глазами, будто молнии выпустил. Точно-точно как в книжках про эльфарийского бога Зеусия (читывал Мих и такое).

– Что там, попадья родила? – Усмехнулся обер-полицмейстер, не поняв сразу настроения своей правой руки.

– Его Высочество прибыл.

– Ох, святые угодники. Как на службу сюда ездит, сейчас опять начнет расспрашивать, как расследование протекает, – кинулся Александр Александрович к столу, карту сворачивая, – Михайло, убери этот чертов жилет.

Орчук на ноги вскочил, заодно и Константину Никифоровичу кивнул, раз выдался случай. Тот по привычке не ответил, только взглядом холодным проводил. Потом опомнился и дальше говорить стал.

– Его высочество не к вам прибыл. То есть, может, и к вам, но только выше первого этажа не поднимался.

– А что ему на первом этаже? – Удивился Его превосходительство.

Константин Никифорович неровно выдохнул, как бабы после долго плача, не в силах обычно разговаривать, и ответил.

– Пришел в арестантскую и повелел высочайшим указом Его Императорского Высочества всех

аховмедцев, ныне арест… задержанных, отпустить.

– Что? – брови обер-полицмейстера подобно паре коршунов взметнулись наверх. – В моем ведомстве… злодеев… отпустить!

Пронесся ураганом по кабинету Александр Александрович, вмиг про года позабыв, да выскочил в приемную. За ним Константин Никифорович и Витольд Львович бросились, потому и Миху пришлось, а что делать? Спроси орчука, так лучше бурю переждать, они с Меркуловым персоны тут не самые важные, все и без них разрешиться может. Зачем гневать? Кого именно – брата Государя-императора или обер-полицмейстера (а могло под горячую руку попасть откуда угодно) орчук еще не решил, да и разве это важно?

Но человек он, точнее прочий… хотя все же человек (главное ведь не внешний облик, а сущность внутренняя) подневольный, за титулярным советником закрепленный. Как триста лет назад под гнетом оставались орки, так и теперь было. Иной кто скажет: как ж так? Ведь именно Ордынское Иго Славию сковало, дань заставило платить. Но папенька, много книг прочитавший да свое мнение имеющий, по-другому рассуждал.

Славийский человек он какой? Даже если дань будет отдавать, то из всех монет отдаст самую легковесную, из пушнины самого худого и ободранного соболя, коня старого и с зубами гнилыми. Но придет на его землю с запада транкльваниец или гоблинарцы опять шалить начнут, так крикнет он Орду: «Что же это делается? Взяли вы наши земли, так теперича и владейте. Не оставляйте в беде. А то придут вороги, разграбят деревни, девок наших уведут, нас самих в железо закуют. Кто вам ясак платить станет?». И собирается грозной тучей стотысячная Орда и стремглав летит калгой, стрелой то бишь, конница. Бьет западных обидчиков да обратно в степь возвращается. Говорил папенька, дескать, и через это тоже конец той, Золотоносной Орде пришел.

Так или иначе, а оставлена Сибирь, выгнаны орки из каганата, обитают сейчас в сухой степи, вспоминая дни своего могущества. Хотя… чего это Мих о них, тут сейчас начнется кое-что основательнее, чем все поражения степняков. Не видел еще прежде орчук, как сходятся две могучие силы – императорская воля и славийский закон.

– Добрый вечер, Ваше Императорское Высочество, чем обязан, – с нажимом произнес обер-полицмейстер.

Великий князь вздрогнул, повернулся, но лицо сохранил. Позади него, у двери, со связкой ключей в руках возился человек. Насколько мог Мих судить по одежде, ни много ни мало, камер-фурьер, если в военные чины переводить, полковник. Хотя оно и понятно, чему тут удивляться, рядом с ним все же государев брат.

– Скорее уж доброе утро, Александр Александрович. А чем обязаны?… Наслышан, что томятся тут у вас аховмедцы, прибывшие на переговоры о мире. Нехорошо, нехорошо, Александр Александрович. Так недалеко до международного скандала.

Заметил орчук, что великий князь хоть и старается всем своим видом и некоторой развязностью в разговоре показать полную независимость от обстоятельств, все же нервничает. Не доставляет ему удовольствие здесь и сейчас находиться и заниматься именно тем, чем он занимается. Не сговариваясь, Мих с Витольдом Львовичем переглянулись, точно подумали об одном.

– Вы… хотите… освободить преступников!

Обер-полицмейстер буквально кипел. Глядя на его мокрую шею и вздувшиеся вены на висках, думал орчук, лишь бы Его превосходительство удар не хватил. С мужчинами его возраста подобное и от меньших переживаний бывает. Говорят, ежели в себе злость не держать, а выплескивать ее при каждом удобном случае, то и знакомство с грудной жабой можно избежать и всякими прочими бедами. Но куда теперь? И так чувствовал орчук, что обер-полицмейстер сдерживается, а паузы между словами мысленно заполняет одними лишь бранными словами.

– Ну полноте, каких преступников? Вышло у вас небольшое недоразумение. Ведь ни одной жалобы на этих… господ. Весь ущерб городу будет возмещен. Так что инцидент вполне себе исчерпан.

– Неважно, кто преступает закон, славиец, гоблинарец или аховмедец. Закон един для всех, – говорил обер-полицмейстер теперь намного тише, но сквозь зубы, отчего не прибавлялось уверенности, что дело разрешится наилучшим образом.

– Есть закон, а есть Император и его воля.

Голос полуночного гостя загремел с невиданный силой. Узнал Мих прежнего великого князя, надменного и горделивого. Тот протянул руку, и камер-фурьер, явно поставленный при Его Высочестве, чтобы угадывать мысли последнего, передал ему выуженную из внутреннего кармана бумагу. Судя по всему очень важную, имеющую в себе силу не менее, чем заряженный пистолет, наставленный в переулке на одинокого путника.

Полной реакции Александра Александровича орчук не видел. Но шея обер-полицмейстера вдруг пошла пунцовыми пятнами, а пальцы вдруг сжались в кулаки. Мих неодобрительно нахмурился. Негоже так с почтенным человеком, который по совести живет и так же работает. Надобно было великому князю к Его превосходительству прийти, объяснить что и как, его ведь это вотчина, а не самовольничать. Понятно, императорское слово первое в Славии, но дурно как-то вышло.

Лязгнул меж тем замок, отворилась дверь. Внутри темно, хоть глаз выколи, редкие окошки слишком махоньки, поэтому и днем от них польза невелика, а уж ночью… Но различил Мих как разнопера тьма, из разных кусков состоящая. Мнутся внутри тела, ждут решения, им озвученного. И вместе с тем вроде как и сомневаются.

– Выходите, господа, выходите. Неерте але бель Бруу То Вайл, – сказал вдруг Его Высочество на аховмедском.

– Албе эль, – поправил его камер-фурьер. Мих думал, что сейчас великий князь прогневается, но тот лишь кивнул.

– Неерте албе эль Бруу То Вайл, – исправился Его Высочество.

Не знал орчук, что слова те значили, но козлоногие нерешительно стали выходить из темноты, щурясь и закрывая глаза от неяркого свечного света. Были они в том же виде, в котором их сюда привели, то есть совершенно наги. Великий князь толкнул локтем камер-фурьера, и тот, сделав несколько шагов в сторону, раскрыл большущий мешок и извлек оттуда большие шерстяные накидки. Аховмедцы молчаливо принимали одежду, кое-кто даже кивал, тут же оборачиваясь (то ли озябли голышом сидеть, то ли правду голытьбы своей конфузились).

Его превосходительство, да и остальные полицейские чины, начиная от Константина Никифоровича с Витольдом Львовичем и заканчивая тюремщиком, у которого, собственно,

ключи и были отобраны, стояли не шелохнувшись. Будто молния только что ударила и поразила всех служителей порядка.

– Разрешите, – легонько, но довольно настойчиво отодвинул великий князь в сторону обер-полицмейстера. – Леонид…

Камер-фурьер подскочил, тихонько зашептал нечто на аховмедском, обращаясь к козлоногим, и пошел вперед. Те несколько нерешительно, бросая настороженные взгляды на объятого гневом обер-полицмейстера, проскальзывали (если можно было так сказать о звонком топоте копыт) мимо Александра Александровича, стараясь не отставать от прыткого прислужника Его Высочества, который, судя по голосу, был уже на лестнице.

– И еще кое-что, Александр Александрович, – с насмешливой улыбкой остановился великий князь у обер-полицмейстера, замыкая цепочку «несправедливо задержанных аховмедцев», – утром заедет глава третьего отделения с необходимыми бумагами. Надобно будет передать ему все, что у вас есть по ограблению Императорского музея. Далее этим делом будет заниматься жандармерия.

Его превосходительство не нашелся что ответить. Нынешняя ночь и так значительно подпортила ему крови, потому реагировать еще на один удар судьбы попросту не осталось сил. Обер-полицмейстер лишь устало кивнул.

– Ваше превосходительство, – вскинулся Константин Никифорович, как только великий князь покинул комнату, – этого нельзя оставлять. Может, к генерал-губернатору?

– Полноте, – махнул рукой Александр Александрович, – вы, верно, забыли, чей это брат. К тому же сам Государь Император нынешнюю бумагу подписал. Держу пари, и завтрашнюю подпишет.

– Так что же теперь, отступиться?

– Нет, конечно, – Мих услышал в тоне Его превосходительства злые нотки, – думают Александра Муханова, с самого низа до обер-полицмейстера дослужившегося, за пояс заткнуть. Кукиш им. Сейчас же на Краснокаменку всех подниму.

– Если не успеем, Ваше превосходительство? Ведь, по сути, будем заниматься одним делом с жандармерией, – заметил Витольд Львович.

– Глупости! С завтрашнего дня нам запрещено будет заниматься ограблением Императорского музея, так мы, господа, и не будем. А вот убийством аховмедца и эльфарийца, да еще покушением на пристава следственных дел – сколько угодно. То есть в любом случае будем искать Черного.

– А ведь это действительно выход из ситуации, – задумчиво высказался Меркулов.

– Мы же тем временем найдем Черного, выпотрошим его на счет ценной информации и будьте любезны, – сделал шутливый реверанс Александр Александрович. – Надо только нашим сказать, чтобы особо не баловали револьверами. Так-с, ты Витольд Львович, нам пока не нужен. Езжай отдыхать, это приказ, а как что, сразу за тобой пришлю.

С этими словами обер-полицмейстер отправился к себе, а Константин Никифорович последовал за ним.

– Мих, ты газеты, что я покупаю, куда деваешь? – Спросил Меркулов с лихорадочным блеском в глазах.

Не понравилось орчуку это сверкание, не раз его уже видел. У Витольда Львовича подобное бывает, когда он увлекается чем-то без меры, а хорошим для Миха это редко кончается. В самом лучшем случае, попросту голодными опять останутся, а в худшем…

– Знамо куда, старухе на растопку отдаю. Чего с ними еще делать? Мусору много, а ежели один раз прочитал уже, больше и не требуется, – тут Мих вдруг призадумался, – а вам зачем, господин?

– Надо привести всю информацию по ограблению к общей системе. Сдается мне, что я нечто нащупал. Теперь бы догадки подтвердить.

– Так мы именно по тому месту и прибыли, куда нам надо. В полицмейстерстве комната есть, вроде кладовой. В ней все газеты держат, покупают их на предмет сводок различных, о которых в ведомстве сведений нет, потом проверяют. Под то даже на бумаге отчетной расход особый имеется. Потом газеты сшивают меж собой и стопками на полки убирают.

– Мих, откуда ты все это знаешь? – Удивился Меркулов.

– Да я ж все-таки по полицейскому ведомству прохожу, все пригождающееся для службы запоминаю, – пожал плечами Мих.

Не говорить же господину, что услышал случайно об том в беседе двух чинов, а по причине лишних трат Витольда Львовича на газеты, решил уточнить после у городовых, есть ли возможность какая их получить? Не выгорело, почти уже и забыл, а вишь как пригодилось.

– Это совсем другое дело. Тогда нам надо быстрее получить разрешение попасть в этот архив и уже проведать мою догадку. Пойдем же, быстрее, – с этими словами он почти выбежал к лестнице, прислушался к шуму каблуков наверху, и закричал, – Ваше Превосходительство, Ваше Превосходительство!

Мих же озабочен был другим, на взгляд Меркулова, пустячным обстоятельством, но для сонного потомка кочевников очень важным условием – можно ли там где прикорнуть?

http://tl.rulate.ru/book/9351/184231